

Майкл Муркок

ЗАВТРАК НА РУИНАХ

Глава 11
Перевод
Виктора Беньковского

ЭКСКУРСИЯ ПО ШАНХАЮ: 1932 ВОПРОСЫ ДИПЛОМАТИИ

Мало что может быть ужаснее, чем то, что мне довелось видеть сегодня в Шанхае. За всю жизнь я не видел ничего подобного. Районы Дзябэй и Гонки, где шли самые ожесточенные бои, ныне представляют собой развалины, подобные тем, что Западный фронт оставил во Франции. Японцы полностью сравняли с землей несколько квадратных миль. Они забрали с собой не только мебель, ценности и домашнюю утварь жителей, но буквально каждый гвоздь, каждую оконную раму, каждый винт, каждый болт, каждую железку, каждый ключ — в общем, весь металл. Затем дома разрушили, после чего район был подожжен. Теперь никто не живет в этих обгорелых руинах. Здесь невозможно жить. Японцы, однако, сохранили уличное освещение, поэтому по ночам сквозь черное пожарище, полностью обезлюдевшее, протягиваются освещенные линии проспектов и улиц, будто светящиеся пальцы, вцепившиеся в землю.

Эту оккупированную японцами территорию отделяет от международной зоны так называемый Садовый мостик. По обеим сторонам от мостика — колючая проволока и мешки с песком. С одной стороны мост охраняется японцами, причем своих людей для охраны выделяют армия, морской флот и полиция. На другом конце моста стоят английские часовые. Мне доводилось видеть, как высокие английские парни белели от ярости, когда японцы всего лишь в нескольких шагах избивали кули или стариков. Японцы безраздельно властвуют на захваченной ими территории. Китайцы, проходя мимо японских часовых, обязаны церемонно кланяться и снимать шляпы. Однако японцы, которые просто так, от нечего делать, могут заколоть человека, идущего по мосту, заявляют (причем серьезно), что они здесь, в Китае, оказывают помощь китайскому народу — своему исконному другу!

Чтобы вы не подумали, что я преувеличиваю, предлагаю вашему вниманию следующий репортаж агентства «Рейтер» из Шанхая, датированный 30 марта 1938 года.

«То, что случилось сегодня утром на мосту через поток Сучу, заставило сжаться сердца даже хладнокровных британских штабных генералов... Японские солдаты набросились и стали избивать китайского старика, которому случилось оказаться на мосту, а затем сбросили его вниз, в воду. Все это происходило на глазах британских часовых из Дурхема, которые в этот день несли службу по охране моста. Британские солдаты, которые не могли оставить свой пост, вынуждены были беспомощно смотреть, как тонет несчастный старик, в то время как японская солдатня беззаботно смеялась и осыпала тонущего издевательствами».

«Внутри Азии». Джон Гунтер, «Хэмиш Гамильтон», 1939

— Мы столь яростно и столь глупо защищаемся от внешнего мира, — говорит друг Карла. — Ну, давай поднимем железные шторы наших защит. Мы тотчас же обнаружим, что жить стало гораздо легче.

— Что-то я не чувствую, что мне гораздо легче жить.

— Но это появляется не сразу. В конце концов, к свободе тоже надо привыкнуть.

— О какой свободе ты говоришь? Я не чувствую себя свободным.

— Покамест не чувствуешь.

— Такой штуки, как свобода, просто нет.

— Ты ошибаешься. Свобода есть! Не волнуйся, я понимаю, новые идеи всегда трудно сразу принять.

— Твои идеи не кажутся мне шибко новыми.

— Ты их еще попросту не понял, вот и все.

Карлу шестнадцать лет. Шанхай — самый большой город в Китае. Один из самых завораживающих и романтических городов в мире. Мать и отец Карла приехали сюда два года назад. В Шанхае нет налогов. У причала стоят большие торговые корабли. В нескольких милях от берега на рейде — военные корабли. В Шанхае все может случиться.

— Интересно, почему это люди всегда нуждаются в философии, чтобы оправдать свои плотские стремления? — презрительно говорит Карл. — Взять хотя бы секс любого вида. Ну что в нем освобождающего?

— Да не в сексе дело. Секс — это только частность.

Черный дым клубится над северной частью города. Люди ахают, охают, жалуются, причитают.

— Ага, я понял, ты говоришь о власти.

— Ну, ну, Карл, дорогой! Не так сразу! Полегче, полегче.

Карлу Глогауэру шестнадцать лет. Будучи немцем по рождению, он отдан в британскую школу, потому что та считается лучше.

— Кого ты любишь больше, — спрашивает Карл, — мужчин или женщин?

— Я всех люблю, Карл.

Карлу шестнадцать лет. Его матери сорок два. Отцу пятьдесят. Они живут в лучшем районе Шанхая и наслаждаются многими благами, которых не могли бы себе позволить в Мюнхене. Пообедав с отцом в Немецком клубе, Карл, сытый и довольный, выходит сквозь вращающиеся стеклянные двери навстречу солнцу и шуму Бунда, главной шанхайской улицы, сердца города. Широкий бульвар упирается в порт. Знакомый вид. Скопление джонок, парходов, даже несколько яхт с жесткими белыми парусами, идущих из бухты в море. Надевая на голову шляпу цвета кофе с молоком, Карл с неудовольствием замечает, что на манжете правого рукава — темное жирное пятно. Кончиками пальцев он поправляет шляпу, слегка поворачивая ее. Затем взгляд Карла скользит вдоль Бунда — не идет ли мать. Они договорились встретиться в три часа. Мать должна отвезти его домой на своей машине. Карл высматривает ее автомобиль среди множества других в оживленном потоке транспорта, но не видит. Мимо проносятся трамваи, автобусы, грузовики, легковые автомобили, проезжают рикши, проходят люди, запряженные в тележки, — кого только не встретишь на Бунде! Но материнского роллс-ройса не видно. Впрочем, Карл не сердится. Он не прочь постоять и поглазеть. Шанхай, наверное, единственное место в мире, на которое можно смотреть бесконечно. Здесь, на Бунде, можно встретить представителей любой расы. Китайцы бесконечно разнообразны: чертовски элегантные бизнесмены в европейских костюмах, мандарины в развевающихся шелках, певички в коротеньких юбочках, какие-то броско одетые подозрительные личности, смахивающие на гангстеров, моряки, солдаты, кули в набедренных повязках — и это только китайцы. Кроме китайцев, в Шанхае тьма-тьмущая индусов — торговцев и клерков. И это еще не все. Перед Карлом проходят французские промышленники с супругами, немецкие корабельные маклеры, голландские, шведские, английские и американские фабриканты, те, кто работает на этих фабрикантов... Вся эта бесконечно разнообразная масса людей движется по тротуарам Бунда. Слышится гомон голосов на всевозможных языках. Ко всему примешивается густой шанхайский запах — смесь человеческого пота и машинного масла, пряностей и лекарств, сладковатый запах опиума, запаха готовящейся пищи и курящихся благовоний. То и дело слышны клаксоны машин. Их звуки сливаются с воплями попрошаек. Уличные торговцы, расхваливая товары, вплетают свои голоса в эту какофонию. Шанхай, одним словом.

Карл улыбнулся. Если бы не проблемы с японцами в их секторе международной зоны, Шанхай был бы для молодого человека лучшим городом на свете. К услугам каждого — кино-театры, театры и клубы, бордели и танцевальные залы, что вытянулись вдоль Сычуаньской улицы. В бесчисленных лавочках и магазинах можно купить все что угодно, все, что только можно вообразить и пожелать. Кусок яшмы, отрез шелка, вышивки, тончайший фарфор, импортные товары из Парижа, Нью-Йорка и Лондона, ребенка любого возраста и пола, понюшку опиума, лимузин с пуленепробиваемыми стеклами, самую экзотическую пищу, новейшие книги на местных языках, наставления во всех религиях или аспектах мистицизма. В городе б ы л и бедняки. Карл слышал, что в среднем каждый год на улицах Шанхая умирают от голода 29 тысяч человек. Но это была цена,

которую приходилось платить за многообразие, изобилие и процветание. За два года пребывания в этом городе Карл общился лишь к ничтожной толке тех радостей, которые мог подарить Шанхай; по мере того как Карл приближался к зрелости, открывающиеся перед ним возможности становились все более и более захватывающими. Нигде в мире нельзя пройти лучшей школы жизни, нежели в Шанхае.

Наконец Карл видит роллс-ройс. Машет рукой. Автомобиль подъезжает к тротуару и останавливается. На матери — одна из самых экстравагантных шляп. Она опускает стекло и машет в ответ. Карл сбегает со ступенек Немецкого клуба и прокладывает себе путь через толпу, бесконечным потоком идущую по тротуару. Китайский шофер, чье имя Карл никак не может запомнить и которого всегда называет Ханк, выходит и открывает дверцу, приветствуя молодого господина. Карл одаряет его приветливой улыбкой. Забирается в роллс-ройс и устраивается рядом с матерью, легонько чмокнув ее в щеку.

— Какие у тебя приятные духи! — говорит он. Карл уже давно научился льстить ей, но мать не замечает и всегда довольна. У них хорошие отношения. Редко случается, чтобы Карлу не нравилось то, что она носит, делает или говорит. В конце концов, она его мать. А он ее сын.

— О, Карл, ужас что сегодня было! — Фрау Глогауэр была мадьярка и говорила по-немецки точно так же, как она говорила по-французски или по-английски — с мягким забавным акцентом. Здесь она была очень популярна среди джентльменов, принадлежащих к высшему европейскому городскому обществу. — Представляешь, собралась сегодня за покупками, но не успела. Уличное движение! Сплошные пробки! Я позтому и опоздала, дорогой.

— Всего лишь на пять минут, мама. — Карл посмотрел на свои швейцарские часы. — Ты же знаешь, я всегда даю тебе по крайней мере полчаса. Может быть, ты хочешь закончить с покупками, прежде чем мы отправимся домой?

Семья Карла живет в фешенебельном районе во французской части города на западе Шанхая, недалеко от ипподрома, в большом доме, выстроенном в викторианском готическом стиле. Дом этот отец Карла очень удачно перекупил у американца, что жил здесь раньше.

Мать качает головой.

— Нет. Нет. Меня бесит, когда что-нибудь идет вопреки задуманному. Раш не получилось сегодня — значит, не получилось. Я мечтаю лишь об одном: чтобы японцы поскорее навели порядок. Нельзя же, чтобы кучка бандитов приносила столько беспокойства честным людям. Я уверена: если бы мы предоставили японцам поступать так, как они считают нужным, нашему городу была бы от этого только польза. Мы должны перестать им мешать.

— Если японцам дать волю, то вскоре тут не останется никого, кто смог бы насладиться порядком, — сухо проговорил Карл. — Вынужден признаться, что менее всего я бы хотел иметь дело с япошками. Слишком уж у них жесткие методы.

— Да разве эти китайцы понимают другие методы?

Мать ненавидела, когда ей перечили. Она пожалала плечами и, демонстративно отвернувшись, стала смотреть в окно.

— Ладно, ладно, может быть, ты и в самом деле права, — сдался Карл.

— Ну вот, сам полюбуись, — сказала она, указывая на улицу.

Карл был вынужден признать, что в ее сло-

вах была доля истины. Транспорта сегодня не больше, чем всегда; тем не менее, машины двигаются медленно, так как поминутно вынуждены тормозить перед пешеходами, которые перебегают улицу. Карл отметил для себя, что пешеходов сегодня больше, чем обычно в этот час. Вид большинства Карлу не нравился. Какие-то зловещие создания в сером грязном рванье, с повязками на головах.

— Сплошной хаос! — продолжала мать. — Приходится делать крюк через полгорода, чтобы попасть домой.

— Я думаю, это беженцы из японской зоны, — сказал Карл. — Кстати, в этом ты можешь винить только японцев.

— Лично я виню китайцев. — Она стояла на своем. — Так всегда — если какая-нибудь пакошь — ищи китайца. Самый бестолковый и ленивый народ на земле!

Карл засмеялся.

— И коварный! Все они страшные интриганы, в этом я с тобой согласен. Но вместе с тем подумай: чем стал бы Шанхай без них?

— Городом, где царит порядок, — сказала мать. Она заставила себя улыбнуться, как бы извиняясь за свою несдержанность. — Порядок и шистота. Ты же знаешь, что именно китайцы содержат все эти притоны, борцовские школы, танцульки...

— Вот об этом я и говорю!

Оба рассмеялись.

Машина продвинулась вперед еще на несколько дюймов. Шофер нажал на клаксон.

Фрау Глогауэр зашипела в безнадежном отчаянии и откинулась на спинку. Ее наманкиюрные пальцы нервно барабанили по подлокотнику сиденья.

Карл потянул к себе переговорную трубу.

— Может, попытаемся поехать другим путем, Ханк? Мне кажется, здесь будем ждать до второго пришествия.

Китаец в своей опрятной серой униформе кивнул, но не пошевелился. Дорога перед роллс-ройсом заблокирована повозками и рикшами. Назад тоже не подать — там стоял почти вплотную огромный грузовик.

— Мы могли бы пройти пешком, — сказал Карл.

Мать, казалось, не слышала его. Она нервно облизала губы. Секунду спустя схватила свою сумочку и открыла косметичку, глядя в зеркальце внутри. Подправила тени на веках. Этот жест означал: «отстаньте». Карл усталился в окно. Ему были видны громады небоскребов, выстроившихся вдоль Бунда. Недалеко же они уехали. Карл рассматривал магазины с обеих сторон от роллс-ройса. Несмотря на то, что народу было необычайно много, люди, казалось, меньше всего думали о делах. Карлу попался на глаза толстый индус в льняном одеянии и белом тюрбане, остановившийся перед лавчонкой, торгующей газетами десятка стран. Изучая газеты, индус почесывал нос. Наконец он выудил из кучи дешевый американский журнал и бросил продавцу монетку. Вынес свое брюхо из магазина, индус быстро пошел прочь. Наблюдавшему за ним Карлу показалось, что совершилась какая-то таинственная сделка. Но, впрочем, любая сделка в Шанхае выглядит таинственной.

Роллс проехал еще несколько футов. Затем шофер увидел отходящую от Бунда маленькую улочку и попытался свернуть туда, но на пути оказался фургон мусорщика — «медовоз», как называли такие фургоны китайцы. Вместо того чтобы пропустить машину, водитель «медовоза» сделал вид, что не замечает роллс-ройс. Одно колесо фургона заехало на тротуар, тем не менее он прорвался вперед, не уступив автомобилю ни пяди. Наконец роллсу удалось вырваться и въехать на эту улочку, которая

была столь узка, что, казалось, огромный «фантом» вот-вот застрянет.

— Ну, наконец-то мы движемся! — сказала фрау Глогауэр, убирая косметичку назад и щелчком закрывая сумочку. — Куда мы едем?

— Похоже, придется совершить кругосветное путешествие, — сказал Карл. — Единственное, что я знаю на верняка, — впереди река. А это что, мост? — Карл наклонился вперед, вглядываясь. — Стало быть, мы едем на север... О, Боже мой!

— Что там?

— Они, должно быть, спалили его. Дым. А я думал, это были тучи.

— Ты хочешь сказать, что здесь небезопасно? — спросила мать, хватая Карла за руку.

Он покачал головой.

— Понятия не имею. Мы сейчас рядом с японской зоной. Может, стоит вернуться и позвонить отцу?

Мать молчала. Она любила принимать решения. Но политикой никогда не интересовалась, находя ее скучной. Поэтому сейчас для решения ей не хватало информации.

— Да, я думаю, нам так и надо поступить, — нерешительно сказала она. — А тут была стрельба?

— Там что-то взрывают. — Карл внезапно ощутил жуткую ненависть к японцам. — Дай им волю, и они разрушат весь Шанхай. — Карл потянул на себя переговорную трубу. — Давай, Ханк, двигай назад, на Бунд. И побыстрее.

Они еще раз свернули, и внезапно улочка уперлась в небольшую площадь. На площади было полно народу. Многие брели по обеим сторонам улочки. Внезапно Карл увидел, что прохожие останавливаются и начинают пятиться. На автомобиль двигалась пятящаяся толпа с площади. Толпа расступалась, образуя проход, будто незримая сила делила ее на две части. Вдруг впереди появился китайский юноша, бегущий по этому проходу. Он бежал по проезжей части, прямо навстречу роллс-ройсу.

Следом за юношей бежали трое маленьких японских полицейских с дубинками и пистолетами в руках. Китаец, похоже, не заметил машины, которая неожиданно выехала из узкой улочки, и с размаху налетел на нее, будто мотылек на стекло. Упал назад, а затем попытался подняться на ноги. Было видно, что он почти ничего не соображает. Карл гадал, что бы это могло означать.

Японские полицейские очутились возле юноши и начали избивать его дубинками.

Карл закрыл ручку, начал было опускать окно.

— Эй!

Мать Карла уткнулась лицом в его плечо. Он заметил следы ее пудры на своем воротнике.

— О Карл!

Он обхватил за плечи теплое тело матери. Запах ее духов усилился. Карл видел, что лицо и спина китайского парнишки в крови. Ханк подал машину назад, пытаясь выехать из улочки. Из-за реки послышался грохот. Над домами поднялось облако взрыва. Белый дым резко выделялся на фоне черного маслянистого дыма, стелющегося над Дзябэй. Это выглядело нереально, если вспомнить, сколь беззаботен остальной город, особенно в деловой его части, город небоскребов, «Нью-Йорк Востока».

Дубинки продолжали подниматься и опускаться. Мать скулила у Карла на плече. Тот отвернулся от невыносимого зрелища. Ханк осторожно двигал машину назад. В стекло роллс-ройса постучали. Карл обернулся. Снаружи стоял один

из японских полицейских, кланяясь, улыбаясь и салютуя окровавленной дубинкой. Он быстро что-то тараторил извиняющимся голосом по-японски, широко при этом улыбаясь и помахивая рукой с зажатою дубинкой, будто бы говоря: даже в городе с идеальным порядком такое случается. Карл нагнулся и поднял до отказа стекло, а роллс-ройс начал отъезжать. Каким-то невероятным образом Ханку удалось развернуться. Они поехали по тому пути, который привел их сюда. Карл не оборачивался.

Когда снова выехали на Бунд, мать всхлипнула, выпрямилась и полезла в сумочку за носовым платком.

— О, до чего страшный был китаец, — вздохнула она. — А эти полисмены! Они, должно быть, были пьяны!

Карл был рад, что она сама изобрела объяснение увиденному.

— Да, конечно, — отозвался он. —

Они были пьяны.

Машина влилась в основной поток и тут же остановилась. Пробка.

— Знаешь, — говорит Карл, — мир, в котором нет женщин, кажется мне почему-то куда более надежным. Нет, ты только не пойми меня превратно. Я признаю за женщинами очарование и некоторые другие достоинства. Но, понимаешь, я буквально сейчас вдруг понял, в чем состоит главная притягательность гомосексуального мира.

— Ты не боишься, что вместо одного ограниченного мира ухватишься за другой? — возразил друг Карла.

— Я ведь говорил, что пытаюсь расширить свое сознание.

— А что если человек не готов к тому, чтобы сознание его было расширено? Ну, я имею в виду, что способность воспринимать новое ограничена. Это должно происходить постепенно. Ну, как бы поточнее выразиться... То отверстие, в которое входит новое, — оно у меня довольно узкое.

Карлом владеет эйфория. Он блаженно улыбается.

— О чем ты говоришь? Ты ведь человек, а не коза, — говорит чернокожий. В голосе у него слышатся легкие нотки стыдливости.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ (11)

Ваша знакомая забеременела.

Вы почти уверены, что Вы — отец.

Девушка не знает, хочет ребенка или нет. Поэтому она просит Вас помочь ей принять решение.

Как Вы поступите?

Посоветуете ей сделать аборт?

Попробуете убедить ее сохранить ребенка?

Если она предпочтет сохранить ребенка, предложите ли Вы свою помощь?

Или будете отрицать, что ребенок Ваш, а потом постараетесь не встречаться с этой девицей?

Если она решится на аборт, и при этом все нужно будет сохранить в тайне, предложите ли Вы ей оплатить услуги врача?

Или заявите, что все это ее дело, и откажетесь дальше обсуждать этот вопрос?